
□ Широкая клеть доставила нас в шахту. Это было похоже на то, как-будто спускаешься в лифте, но лифт почему-то мокрый и темный.

□ - Мы находимся на глубине двухсотого метра, - говорит мой спутник. Полумрак, сырость и тишина. Сверху льется вода, собирается струйками вдоль стен, стекается ручейками у ног и журчит, журчит монотонно и беспрерывно.

□ Освещая чуть синеватыми огоньками карбидок, мы направляемся вдоль рельс по главной шахтной дороге - коренному штреку. Это своего рода большой тракт, от которого во все стороны расходятся тропинки-штреки. Светляки наших карбидок освещают бревенчатые крепи, сжатые огромным давлением горных масс отдельные бревна прогнулись и повисли.

□ Просторный коридор, изгибаясь и разветвляясь, уходит вдаль. Мы идем сопровождаемые неумолчным журчанием воды живой и вездесущей.

□ Изредка навстречу нам попадают шахтеры в белых от сланцевой пыли металлических шапках и брезентовых спецовках. Они молча приветствуют моего спутника.

□ После продолжительного хождения по полутемным шахтным коридорам, мы, наконец, останавливаемся перед отвесной лестницей.

□ - Хотите посмотреть, как работают наши женщины, первые и пока единственные в медной промышленности бурщицы?

□ Вскоре мы оказываемся в просторном каменном гроте. В воздухе стоит мелкая сланцевая пыль, грохочет перфоратор, врезаясь в неподатливую породу, на скрипучей сердитой цепи взад и вперед ходит гигантская челюсть скрепера, жадно захватывая и оттаскивая в сторону новые и новые партии руды. А сквозь этот грохот, сквозь белое облако пыли и скрип скреперной лебедки плывет женская песня о любви, о разлуке, о человеческом счастье, которое всегда впереди. Поющая женщина лопатой убирает руду, легко подкидывая огромные камни.

□ Ее ловкость и физическая сила так неожиданно сочетаются с нежным

овалом лица, размашистыми, как птичьи крылья, девичьими бровями и горячей сердечной песней.

□ Другая женщина работает с перфоратором. Чувствуется, что мышцы ее в предельном напряжении, но она не позволяет аппарату владеть собой, она не шевелится, не вздрагивает, а, упрямо сжимая отбойный молоток, руководит им.

□ - Анна Рычкова - знатная шахтерка, - говорит мой спутник. - Она не только первая женщина-бурщица, не только одна из организаторов стахановского движения на руднике. Анна Рычкова - серьезный и вдумчивый учитель. Не один десяток молодых работниц подготовила она. Эта простая женщина умеет найти такие убедительные слова и так уверенно и вместе с тем чутко подойдет к новичкам, что шахта, вначале пугающая и отталкивающая их, скоро делается привычной как родной дом. А рудник приобретает новые кадры шахтеров.

□ Я смотрю на высокую фигуру Анны, и она кажется мне могучей хозяйкой этого каменного грота, его несметных богатств.

□ Смолкает песня. Мы идем дальше в глубь подземного царства. В этот день мы побывали во многих забоях, знакомясь с теми, чей величественный труд шаг за шагом отвоевывает у природы сокровища, тщательно спрятанные в глубинных недрах.

□ - Подвижно оно, наше рабочее место, говорит Андрей Самусев, рослый белорус, для которого нет невыполнимых заданий. Он ходит чуть-чуть вразвалку, сдвинув кепку на правый глаз.

□ - На Самусева можете положиться, не подведет, - говорит он себе. И это не звучит похвальбой. Веришь этому прямому серьезному взгляду, этим большим жестким ладоням, которые без усталости одновременно управляют двумя перфораторами.

□ Он никогда не жалуется, но хочет, чтобы собеседник понял, почувствовал всю сложность, всю особенность шахтерской работы.

□ - Шахта - не завод, а забой - не станок. Станок он всегда одинаковый.

Сегодня ты на нем 200 процентов даешь и завтра дашь. И никакого направления он не меняет. А у нас так: сегодня идешь как в масле. Порода так и липнет к тебе. А после пошел – и все наоборот. Сердитый камень с тебя семь потов сгонит. И опять же идешь – ничего.

□ На другом участке мы встретили знаменитого на руднике проходчика-орденоносца Александра Васильевича Баталова. Это молчаливый человек, в глазах у которого живут два веселых хитрых огонька. С трудом удалось заставить его разговориться. Тогда, улыбаясь веселыми огоньками глаз, он подробно рассказал, как первый на руднике применил шведскую колонку, облегчающую бурение, как все бегут от выработки тринадцатой линзы, а он одолевает ее, применяя свой скоростной метод, а под конец разговора подарил нам свою книжечку – «Мой метод проходки штреков».

□ Но самое поразительное, что удалось увидеть – это работа рудничного богатыря – Байназара Надоршина. Ритмично распределив свои силы по забоям, по часам, по минутам, идет он – лучший забойщик рудника. Тот самый Байназар Надоршин, что иные дни дает руду за восемь человек, а в 1943 году выполнил две годовые нормы. Тот самый Надоршин, который в начале движения тысячников работал за двадцать человек.

□ Обратно мы возвращались по той же отвесной лестнице. Но теперь не было прежней тишины. Где-то рядом (казалось, что над самой головой) грохали падающие камни. Это по соседнему каналу спускали руду.

□ Штрек, на котором мы находились, называется откаточным. Сюда по восстающим спускается руда со всех выработок. Когда кончилась погрузка, мы уселись рядом с женщиной-машинистом, и электровоз быстро помчал нас, освещая путь своим белым глазом.

□ – А вот и бункера.

□ Мы оказались у разгрузочного пункта, на широкой, хорошо освещенной площадке. Электровоз остановил вагоны у продолговатой металлической решетки в полу шахты.

□ Мы стояли у бункеров. А составы все шли и уже останавливались, ожидая очереди, и уже нервно покрикивали разгрузчики, а волна напряжения, начавшаяся в забоях, где люди богатырской силы, здоровой смекалки,

---

освобождали окованные недра, все катилась, нарастала.

□ Рудник. им. III Интернационала.